

Просто Христианство.

К.С.Льюис.

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, о чем говорится в этой книге, послужило материалом для серии радиопередач, а впоследствии было опубликовано в трех отдельных книгах под названием "Радиобеседы" (1942), "Христианское поведение" (1943) и "За пределами личности" (1944). В печатном варианте я сделал несколько дополнений к тому, что сказал в микрофон, но вообще оставил текст без особых изменений. Беседа по радио не должна, по-моему, звучать как литературный очерк, прочитанный вслух, она должна быть именно беседой, и очень искренней. Поэтому я использовал те обороты и слова, какие обычно употребляю в беседе. В печатном варианте я их воспроизвел, а все те места, где по радио я подчеркивал значимость слова тоном голоса, в книге выделил курсивом. Сейчас я склонен считать, что это было ошибкой - нежелательным гибридом искусства устной речи с искусством письма. Рассказчик должен оттенками голоса подчеркивать и выделять определенные места, сам жанр беседы этого требует, но писателю не следует использовать курсив в тех же целях. У него есть другие, свои средства, вот пусть и пользуется ими, чтобы выделить ключевые слова.

В данном издании я убрал сокращения и курсив, переработав те фразы, в которых они встречались и не повредив, надеюсь, тому "простому тону", который свойствен радиобеседам. Кое-где я что-то прибавил, что-то вычеркнул, исходя из того, что первоначальный вариант, оказывается, поняли превратно, да и сам я, по-моему, стал лучше понимать предмет беседы теперь, чем десять лет назад.

Хочу предупредить читателей, что я не предлагаю никакой помощи тем, кто колеблется между двумя христианскими "деноминациями". Вы не получите от меня совета, кем вы должны стать - приверженцем ли англиканской церкви или методистской, пресвитерианской или римско-католической. Это я опустил умышленно (даже приведенный выше список дал просто в алфавитном порядке). Из моей собственной позиции я не делаю тайны. Я совершенно обычный, рядовой член англиканской церкви, не слишком "высокий", не слишком "низкий", и вообще не слишком какой-то. Но в этой книге я не пытаюсь переманить кого-либо туда же.

С того самого момента, как я стал христианином, я всегда считал, что лучшая, а может, - единственная услуга, какую я окажу моим неверующим ближним, - объяснить и защитить веру, которая была всегда общей и единой почти для всех христиан. У меня достаточно для такой точки зрения.

Прежде всего, то, что разделяет христиан (на разные деноминации), часто касается высокой теологии или даже истории, и вопросы эти следует оставить специалистам, профессионалам. Я бы захлебнулся в таких глубинах и скорее сам нуждался бы в помощи. Во-вторых, я думаю, мы должны признать, что дискуссии по этим спорным вопросам едва ли способны привлечь в христианскую семью человека со стороны. Обсуждая их письменно и устно, мы скорее отпугиваем его от христианского сообщества, чем привлекаем к себе. Наши расхождения во взглядах надо бы обсуждать лишь при тех, кто уже верит, что есть один Бог, а Иисус Христос - Его едиnorodный Сын.

Наконец, у меня создалось впечатление, что гораздо больше талантливых авторов вовлечено в обсуждение этих вопросов, чем в защиту самого христианства, "просто христианства", как его называет Бакстер (1). Та область, в которой, видимо, я мог

послужить лучше всего, именно в такой службе и нуждалась. Естественно, туда я и направился.

Насколько я помню, лишь к этому сводились мои молитвы и побуждения, и я был бы очень рад, если бы люди не делали далеко идущих выводов из того, что я ничего не говорю о некоторых спорных вещах.

К примеру, такое молчание вовсе не всегда означает, что я чего-то жду, выжидаю, хотя иногда это так. У христиан порой возникают вопросы, ответов на которые, я думаю, у нас нет. Встречаются и такие, на которые я, скорее всего, никогда не получу ответа: даже если а задам их в лучшем мире, то, возможно, получу такой ответ, какой уже получил однажды другой, гораздо более великий вопрошатель: "Что тебе до этого? Следуй за Мной!" (2) Однако есть и другие вопросы, тут я занимаю совершенно определенную позицию, но храню молчание. Ведь я пишу не для того, чтобы изложить "мою религию", а для того, чтобы разъяснить христианство, а оно есть то, что оно есть, было таким задолго до моего рождения и не зависит от того, нравится оно мне или нет.

Некоторые люди делают необоснованные заключения, когда я говорю о Деве Марии только то, что связано с непорочным зачатием и рождением Христа. Но причина очевидна. Если бы я сказал немного больше, это сразу завело бы меня в область крайне спорных мнений. Между тем ни один другой вопрос в христианстве не нуждается в таком деликатном подходе, как этот. Римско-католическая церковь защищает свои представления не только с обычным пылом, свойственным всем искренним религиозным верованиям, но с особой, вполне естественной горячностью, ибо здесь проявляется та рыцарская чувствительность, с какой защищает человек честь своей матери или невесты. Очень трудно разойтись с нею ровно настолько, чтобы не показаться ей невеждой, а то и еретиком. И наоборот, противоположные мнения протестантов вызваны чувствами, которые уводят нас к самым основам монотеизма. Радикальным протестантам кажется, что под угрозой само различие между Творцом и творением (каким бы святым творение ни было) и вновь возрождается многобожие. Очень трудно и с ними разойтись во мнениях ровно настолько, чтобы не оказаться в их глазах похуже еретика, а именно - язычником. Если есть на свете такая тема, которая способна погубить книгу о христианстве, если какая-то тема может сделать абсолютно бесполезным чтение для тех, кто еще не поверил в то, что Сын Девы есть Бог, то это именно она.

Получается странно: из моего молчания вы даже не можете вывести, считаю я это важным или нет. Дело в том, что самый вопрос тоже относится к спорным. Один из пунктов, по которому христиане расходятся во мнениях, это - важны ли их разногласия. Когда два христианина разных деноминаций начинают спорить, вскоре, как правило, один из них спрашивает, а так ли уж важен данный вопрос; на что другой отвечает: "Важен ли? Ну конечно, в высшей степени!"

Все это я сказал только для того, чтобы объяснить, какую книгу я попытался написать, а не для того, чтобы скрыть свои верования или уйти от ответственности за них. Как я уже говорил, я не держу их в секрете. Выражаясь словами дядюшки Тоби: "они есть в молитвеннике" (3).

Опасность в том, что под видом христианства я мог изложить что-нибудь чисто англиканское или (что еще хуже) свое. Чтобы этого избежать, я послал первоначальный вариант того, что стало здесь книгой второй, четырем священнослужителям (англиканской церкви, методистской, пресвитерианской и римско-католической) и попросил их дать критический отзыв. Методист решил, что я недостаточно сказал о вере, а католик - что я зашел слишком далеко, когда говорю о том, что теории, объясняющие искупление, не так уж важны. В остальном мы пятеро согласились друг с другом. Другие книги я не стал подвергать такой проверке: если бы они и вызвали расхождения среди христиан, это были бы расхождения между людьми и школами, а не между разными деноминациями.

Насколько я могу судить по этим ответам или по многочисленным письмам, эта книга, какой бы она ни была неверной в других отношениях, преуспела, по крайней мере, в

одном - дала представление о христианстве общепринятом. Таким образом, она, возможно, хоть как-то поможет преодолеть то мнение, что, если мы опустим все спорное, нам останется лишь неопределенная и бескровная вера. На деле христианская вера оказывается не только определенной, но и очень четкой, отделенной от всех нехристианских вер пропастью, которую не сравнить даже с самыми серьезными разделениями внутри христианства. Если я не помог воссоединению прямо, то надеюсь, ясно показал, почему мы должны объединиться. Правда, я нечасто встречался с легендарной нетерпимостью убежденных христиан, входящих в ту или иную общину. Враждебны в основном люди, принадлежащие к промежуточным группам, в пределах англиканской церкви и других деноминаций, то есть такие, которые не очень-то считаются с мнением какой бы то ни было общины. Это утешает - ведь именно центры общин, где сосредоточены истинные их дети, по-настоящему близки друг другу - по духу, если не по доктрине. И это свидетельствует что в центре каждой общины стоит что-то или Кто-то, и вопреки всем расхождениям, всем различиям темперамента, всей памяти о взаимных преследованиях, говорит одно и то же.

Вот и все, что касается моих умолчаний. В книге третьей, где речь идет о нравственности, я также кое-что обошел молчанием, но по иным причинам. Еще с той поры, когда я был рядовым во время первой мировой войны, я проникся антипатией к людям, которые в безопасности штабов издавали призывы и наставления для тех, кто воевал на линии фронта. Поэтому я и не склонен много говорить об искушениях, с которыми мне самому не приходилось сталкиваться. Наверное, нет такого человека, которого бы искушали все грехи. Уж так случилось, что импульс, который делает из нас игроков, не был заложен в меня, и, вне сомнений, я расплачиваюсь за это отсутствием других, полезных импульсов, которые в преувеличении или искажении толкают на путь азартной игры. Вот поэтому я не чувствую себя достаточно сведущим, чтобы советовать, какая азартная игра позволительна, а какая нет; если и существуют позволительные азартные игры, я об этом просто ничего не знаю. Обошел я молчанием и вопрос о противозачаточных средствах. Я не женщина, я даже не женатый человек; поэтому я не вправе говорить неукоснительно и жестко о том, что связано с болью, опасностью и прочими издержками, от которых я сам избавлен. Кроме того, я не пастырь, и "должность" меня к этому не обязывает.

Могут возникнуть и более серьезные возражения - они и были - о том, как я понимаю слово христианин, которым обозначаю человека, разделяющего общепринятые доктрины христианства. Люди спрашивают меня: "Кто вы такой, чтобы устанавливать, кто христианин, а кто нет?" Или: "А вдруг многие люди, не способные поверить в эти доктрины, окажутся гораздо лучшими христианами, более близкими духу Христа, чем те, кто в эти доктрины верит?" Это возражение в каком-то смысле - очень верное, очень милосердное, очень духовное и чуткое. Но при всех этих прекрасных свойствах, оно бесполезно. Мы просто не можем безнаказанно пользоваться языковыми категориями так, как наши оппоненты. Я постараюсь разъяснить это на примере другого, гораздо менее важного слова.

Слово "джентльмен" первоначально означало нечто вполне определенное - человека, у которого есть свой герб и земельная собственность. Когда вы называли кого-нибудь джентльменом, вы не комплимент ему говорили, а констатировали факт. Если вы говорили про кого-то, что он не джентльмен, это было не оскорблением, а простой информацией. В те времена можно было, к примеру, сказать, что Джон - лгун и джентльмен; во всяком случае, это звучало не более противоречиво, чем если бы мы сказали сегодня, что Джеймс - дурак и магистр какой-то науки. Но появились люди, которые сказали - верно, доброжелательно, с пониманием и чуткостью: "Да ведь для джентльмена важны не герб его и земля, а то, как он себя ведет. Конечно же, истинный джентльмен - тот, кто ведет себя, как джентльмен, правда? Значит, Эдвард - джентльмен, а Джон - нет". У них были благородные намерения, но слова их не несли полезной информации. Намного лучше быть честным, и вежливым, и храбрым, чем обладать собственным гербом. Но это не одно и то же. Хуже того - не каждый захочет с этим согласиться. Слово "джентльмен" в новом, облагороженном смысле не сообщает нам что-то о человеке, а превращается в похвалу; сказав, что такой-то - не джентльмен, мы его оскорбляем. Когда слово из средства описания становится средством похвалы, оно свидетельствует только об отношении

говорящего. ("Хорошая еда" значит лишь то, что она говорящему нравится.) Слово джентльмен, очищенное от четкого и объективного смысла, едва ли значит теперь что-нибудь кроме: "Мне нравится тот, о ком идет речь". Слово стало бесполезным. У нас и так уже было множество слов, выражающих одобрение, и для этой цели мы в нем не нуждались; с другой стороны, если кто-то (к примеру, в исторической работе) пожелает использовать его в старом смысле, ему придется прибегнуть к объяснениям, потому что слово это не выражает того, что выражало раньше.

Так и здесь: если мы позволим возвышать, облагораживать или "наделять более глубоким смыслом" слово "христианин", оно тоже утратит смысл. Во-первых, сами христиане не смогут применить его ни к одному человеку, и нам решать, кто, в самом глубоком смысле, близок духу Христа. Мы не можем читать в сердцах. Мы не можем судить, судить нам запрещено. Опасно и самонадеянно утверждать, что такой-то - христианин или не христианин в глубоком смысле этого слова. Но слово, которое мы не можем применять, становится бесполезным. Что же до неверующих, то они, несомненно, рады будут употреблять это слово в его "уточненном" смысле. В их устах оно сделается похвалой. Называя кого-то христианином, они будут иметь в виду, что это - хороший человек. Но такое употребление слова не обогатит языка, ведь у нас уже есть слово "хороший". Между тем слово "христианин" перестанет выполнять то действительно полезное дело, которому оно служит сейчас.

Мы должны, таким образом, придерживаться первоначального, ясного значения этого слова. Впервые христианами стали называться "ученики" в Антиохии, то есть те, кто принял учение апостолов (Деян. 11:26). Несомненно, так назывались лишь те, которые извлекли для себя большую пользу из этого учения. Безусловно, это имя распространялось не на тех, кто колебался, принять ли им учение апостолов, а на тех, кто именно в возвышенном, духовном смысле оказался "гораздо ближе к духу Христа". Дело тут не в богословии или морали. Дело в том, как употреблять слова таким образом, чтобы всем было ясно, о чем идет речь. Если человек, который принял доктрину христианства, ведет жизнь, не достойную ее, правильнее назвать его плохим христианином, чем сказать, что он не христианин.

Я надеюсь, ни одному читателю не придет в голову, что "просто христианство" предлагается здесь в качестве альтернативы вероисповеданиям существующих христианских церквей, то есть вместо конгрегационализма, или православия, или чем бы то ни было другою. Скорее его можно сравнить с залом, из которого открываются двери в несколько комнат. Если мне удастся привести кого-нибудь в этот зал, я цели достигну. Но камин, стулья, пища - в комнатах, а не в зале. Этот зал - место ожидания, из которого можно пройти в ту или иную дверь; в нем ждут, а не живут. Даже худшая из комнат (какая бы то ни было) больше подходит для жилья. Некоторые, наверное, почувствуют, что для них полезнее остаться в зале подольше; другие почти сразу же с уверенностью выберут для себя дверь, в которую надо постучаться. Я не знаю, от чего бывает такая разница, но я уверен в том, что Бог не задержит никого в зале дольше, чем требуют интересы вот этого, данного человека. Когда вы наконец войдете в вашу комнату, вы увидите, что долгое ожидание принесло вам определенную пользу, которой иначе вы не получили бы. Но вы должны смотреть на предварительный этап как на приуготовление, а не как на привал. Вы должны и впредь молиться о свете; и, конечно, даже в зале, вы должны хоть как-то, в меру сил, следовать правилам, общим для всего дома. Кроме того, вы не должны спрашивать, какая дверь истинна, хотя форма и цвет какой-то из них нравится вам больше. Словом, вы должны спрашивать себя не: "Нравится мне эта служба?", а "Правильны ли эти доктрины? Здесь ли обитает святость? Сюда ли указывает моя совесть? Почему я не хочу постучать в дверь - от гордости, или по воле вкуса, или из-за личной неприязни к этому, вот этому привратнику?"

Когда вы войдете в вашу комнату, будьте милостивы к тем, кто вошел в другие двери, и к тем, кто еще ожидает в зале. Если они - ваши враги, помните, что вам сказано молиться за них. Это - одно из правил, общих для всего дома.